

Вопросы когнитивного анализа художественного дискурса

Issues of Cognitive Analysis in Literary Discourse

Фатима Самадзаде ¹

Fatima Samadzade

¹ *Azerbaijan University of Languages*

134 Rashid Behbudov Street, Baku, Azerbaijan

DOI: [10.22178/pos.94-18](https://doi.org/10.22178/pos.94-18)

LCC Subject Category:
PE1001-1693

Received 29.06.2023
Accepted 28.07.2023
Published online 31.07.2023

Corresponding Author:
lingui.s.f@gmail.com

© 2023 The Author. This article
is licensed under a Creative
Commons Attribution 4.0
License

Аннотация. Статья содержит концептуальный анализ в художественном дискурсе на примере романа «День казни» азербайджанского писателя Ю. Самедоглу. Автор предлагает комплексный подход к анализу концепта, включая номинативное поле, семантический анализ и интертекстуальные отношения. В статье рассматриваются различные приемы и элементы, такие как текст в тексте, временные параллели, интертекстуальность, ирония и аллегория, которые помогают раскрыть смысл и организацию концепта в романе. Кроме того, статья подчеркивает важность когнитивно-семантического анализа и изучения интертекстуальных отношений в художественном дискурсе. Исследование позволяет лучше понять концептуальную картину мира, представленную в романе «День казни» и ее связь с языковыми средствами и структурами. Эта статья представляет интерес для лингвистов, литературоведов и всех, кто интересуется когнитивным анализом и художественным дискурсом.

Ключевые слова: дискурс; когнитивный анализ; Ю. Самедоглу; интертекстуальность; семантический анализ; концепт.

Abstract. This article explores the conceptual analysis in literary discourse using the example of the novel "Day of Execution" by Azerbaijani writer Y. Samedoglu. The author proposes a comprehensive approach to concept analysis, including examining the nominative field, semantic analysis, and intertextual relationships. Various techniques and elements such as embedded texts, temporal parallels, intertextuality, irony, and allegory are examined, which help reveal the concept's meaning and organisation in the novel. Additionally, the article emphasises the importance of cognitive-semantic analysis and the study of intertextual relationships in literary discourse. The research contributes to a better understanding of the conceptual worldview in the novel "Day of Execution" and its connection to linguistic means and structures. This article interests linguists, literary scholars, and anyone interested in cognitive analysis and academic discourse.

Keywords: discourse; cognitive analysis; Y. Samedoglu; intertextuality; semantic analysis; concept.

ВВЕДЕНИЕ

Дискурс — одно из основных понятий когнитивно-дискурсивной парадигмы М. Фуко называл дискурсом группу высказываний, принадлежащих к одному и тому же дискурсивному формированию. По его мнению, дискурс строится на основе ограниченного числа суждений, и можно определить набор условий существования этих суждений. Он принял

дискурс как понимание реальности. В практике дискурса понимается действительность и создаются правила такого понимания. Дискурс является результатом соответствующего мыслительного процесса и представляет собой процесс видения и организации действительности, реализуемый в различных дискурсивных переживаниях [5, с. 30]. Слово «реальность» использовалось при интерпретации идей М. Фуко. Этот концепт произносится со

ссылкой надискурс, он содержит реальность, подразумеваемую соответствующим дискурсом. Возможно правильное, истинное или ошибочное восприятие действительности по отношению к конкретному дискурсу. Осмысление дискурса происходит на когнитивном уровне, оно связано с сознанием и мышлением человека, а также психическими процессами и связанными с ними ситуациями [16, с. 126]. Главной задачей когнитивной науки является изучение механизмов получения, обработки и хранения знаний. Когнитивная лингвистика изучает, как эти механизмы используются при воспроизведении и понимании речи. «Когнитивная наука» имеет дело с информацией о мире с самых разных точек зрения и отношений и изучает сложные явления человеческого существования, такие как понимание мира и визуализация его в сознании, язык мозга, организация познавательных способностей человека, и память [10, с. 30]. Все это свидетельствует о том, что при изучении дискурса в когнитивной плоскости в центре внимания исследователя находятся различные познавательные и мыслительные процессы, обеспечивающие работу сознания, интеллекта и разума человека.

Художественный текст представляет собой сложный дискурс. Его создателем является автор, а сама его дискурсивная деятельность имеет сложный механизм. Потому что тема, сюжет, композиция и авторский замысел каждого написанного художественного произведения формируются в мышлении в определенный период времени, а также пишутся в разное время. Эти временные периоды также влияют на создаваемую работу. То есть художественный дискурс формируется в определенной временной последовательности и постепенно расширяется. Когда В. Демьянков говорит о дискурсе в когнитивном смысле, он объясняет его как речь комментатора в процессе мышления и понимания. Начальная и промежуточные части интерпретируемого дискурса объединяются [3, с. 49-50]. Произведение искусства проходит через фильтр интерпретации как автора, так и читателя. Комментатор уточняет то, что хочет сказать автор со своей позиции, в свете собственных мыслей и идей.

Когнитивное исследование и анализ дискурса могут быть представлены в разных формах в зависимости от того, кто их проводит. В результате авторская позиция, представленная

в когнитивном анализе дискурса, не совпадает с тем, что имел в виду автор. По крайней мере, очень сложно говорить о полном совпадении между ними, то есть комментатором, привлекающим художественный текст к дискурсивному анализу, и автором.

Когнитивная структура дискурса – это, прежде всего, его концептуальная структура. Языковые способности человека зависят от различных факторов. Самый важный фактор – это опыт и знания.

Роман Ю. Самедоглу «День казни» начинается эпиграфом:

«Куда путь держишь, брат?

На вечный покой, сестра.

Из сновидений больного» [15, с. 145].

Эпиграф – это единица, входящая в заглавный комплекс художественного текста и считающаяся сложным синтаксическим целым, микротемой. Заголовки текстов вообще, особенно художественных текстов, а также другие элементы, входящие в заглавный комплекс, несут особую функцию. Художественный текст вызывает ассоциативные отношения с элементами, входящими в начало, точнее заглавие и заглавный комплекс. Это можно наблюдать при когнитивном анализе художественного дискурса.

МЕТОДЫ И МАТЕРИАЛЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье используется когнитивный анализ как основной метод исследования. Этот подход позволяет изучать концептуальные структуры, номинативные поля, семантические связи и интертекстуальные отношения в художественном дискурсе. В статье также применяются методы семантического анализа, интертекстуального анализа и анализа текстовых структур для более глубокого понимания и исследования материала.

Автор статьи использует различные источники, включая литературные произведения, словари и теоретические работы, чтобы подкрепить свои аргументы и исследования.

Материал исследования включает роман «День казни» азербайджанского писателя Ю. Самедоглу, который является основным источником для анализа и исследования концепта в художественном дискурсе. В статье также используются примеры и цитаты из романа, чтобы подкрепить иллюстрации и анализировать различные аспекты концепта.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Интертекстуальность дискурса. Наличие интертекстуальности в дискурсе можно определить на основе предлогов, которые участник дискурса вспоминает в основном тексте, составляющем ядро дискурса, анализа художественного текста и различных мнений, написанных о литературной критике. В дискурсивном анализе интерпретация текста включает идеи, созданные в мыслях и мыслительной деятельности читателя, являющегося участником дискурса, и которые непосредственно рождаются из исходного текста. Эти идеи возникают у каждого читателя, прочитавшего произведение. Но читатели отличаются друг от друга, когда учитываются знания, жизненный опыт и другие аспекты. В то же время далеко не каждый читатель записывает чувства и волнения, которые он испытывает при чтении художественного текста, и вопросы, которые он вспоминает. Все это становится внутренней речью читателя, человека, занимающегося дискурсивной деятельностью, и остается в его памяти. С этой точки зрения никогда не удастся собрать воедино все возможные представления о художественном слове. Однако есть критики, более компетентные в языке и знаниях, связанных с художественным анализом, которые принимаются в среде носителей языка, на котором написано художественное произведение, и записывают свои мысли, наблюдения и впечатления о произведении. работа. Поэтому для исследования очень важно рассматривать такие тексты при дискурсивном анализе художественного дискурса. Мнения о художественном произведении, литературно-критические произведения формируют новый дискурс. В этих дискурсах есть исходный или основной текст, письменное мнение и читательское впечатление. В этом случае само произведение искусства выполняет функцию претекста. Мы намерены обратить внимание на мнение о романе Ю. Самедоглу «День казни» и провести дискурсивный анализ его и текста.

Одно из произведений известного азербайджанского критика Вагифа Юсифли о творчестве Ю. Самедоглу, включая роман «День казни», называется «Юсиф Самедоглу: великий мастер прозы» [17]. Статья начинается с краткого описания чувств и эмоций, вызванных у критика фотографиями Ю. Самедоглу. Говоря о различных снимках, автор отмечает улыбку на лице писателя и делает такое

обобщение: «И в этой улыбке есть печаль...» В этой фразе критика особое внимание уделяется слову «печаль».

В. Юсифли дискурсивно проанализировал художественный текст, точнее, различные произведения Ю. Самедоглу с литературоведческих позиций. Этот анализ не полный и широкий, а однонаправленный, и индикатором этого направления как раз и является слово «печаль». Аура чувств, которые вызывает у критика грусть в улыбке, дана в следующей части того же предложения: «И в этой улыбке тоже есть печаль... Помните две фразы из «Дня казни». Одна из них: «Я сгорел, стал пеплом, горой...» Другая: «Тфу на твой трон, о небесное колесо!» [17].

Обе упомянутые фразы являются интертекстами, предтекстовыми высказываниями. *Сгореть, стать пеплом* означает «погибнуть», «исчезнуть». Внутренне горящий, внутренне испепеленный человек имеет прямое отношение к значению слова «горе». Это не только горе того, кто сожжен, но и горе читателя, участвующего в дискурсе. «Пришла беда-отворяй ворота» — с этой фразы начинается роман «День убийства». «Мир не вечен, о душа, путешествуй...» (Насими) [17]. В представленном читателю фрагменте дискурса критика в текст дискурса включены два интертекста. Первый интертекст снова из претекста. Второй – из творчества известного азербайджанского поэта Насими.

Цитаты интертекста, взятой из Насими, в романе Ю. Самедоглу нет, но критик, говорящий об этом романе, направляет своего читателя к другому претексту – тексту произведения Насими. В дискурсивном тексте В. Юсифли ориентация на интертекст эксплицитна, поскольку используются цитаты. В такой же форме и следующие интертексты в упомянутой статье: *Мир живет в войне* (М. Хади). *Если спросить не только людей, но и диких животных, то они восхищаются жестокостью в таких людях* (Г. Джавид).

Великий мыслитель Востока Джалаладдин Руми (1207-1272) писал: *Нафс (это) – это треугольный шип, как ты его не оставь, он снова вонзится в тебя* [17].

Когда В. Юсифли говорит о творчестве писателя Ю. Самедоглу, слово «горе» упоминается со словами «боль», «азар», «сгорел я, стал пеплом, о горы...» «сжечь», «в прах»; претекст

«Тфу на твой трон, о колесо небесное!», с фразеологизмом «махнуть», «уйти», «исчезнуть», а также с другими интертекстами «путешествовать» (опять же значение «идти», «исчезнуть»), «война», «сброд», «дикий»; таким образом складываются такие языковые единицы, как «брутальность», «человеческая жестокость», «нафс», «страдание» («треугольный шип», всегда вонзающийся в человека), представляющие собой единицы, которые можно обоснованно отнести к семантическому полю слова «горе». Потому что война и жестокость, превращение в прах, и боль, рожденная от вонзившегося шипа, созвучны с горем, создают полифонию, оживляют претекст «Тфу на твой трон, о колесо небесное!». В. Юсифли собирает указанные единицы вокруг понятия «горе».

Дискурс критика и текст. Хотя когнитивная лингвистика подчеркивает выполнение концепт-функции концептами, отличающимися более глубокими корнями, ответвлениями и связными цепочками концептуализации, она не отрицает, что концепт формируется на основе другой единицы. Дело в том, что в процессе дискурсивного анализа выделяется само понятие, выявляются окружающие его структуры. Почему понятие «горе» у В. Юсифли?

Потому что, что дискурс критика и текст, созданный им в процессе дискурса, от начала и до конца ставят героя Ю. Самедоглу в положение стороннего наблюдателя. Критика В. Юсифли начинается, продолжается и заканчивается так, как будто адресует то, что говорит и пишет, непосредственно самому писателю. Знакомство с этим дискурсом знакомит читателя с писателем, принимающим близко к сердцу прошлые и настоящие беды мира, по крайней мере, местопод названием Азербайджан, живущего с горем или жившего с горем, и в основе этого изложения лежат мысли о произведении прозаика и выделенные из них интертекстуальные фрагменты. В этой части был рассмотрен дискурс, организованный претекстом «День казни» и интертекстами Ю. Самедоглу и произведений таких поэтов, как Насими и Хади. В этом дискурсе выделяется концепт горя, характерный для Ю. Самедоглу. Становится понятным, что рассказы Ю. Самедоглу и другие масштабные произведения интертекстуально связаны. Но какую концепцию, какие рамки и сценарии,

схемы использовал Ю. Самедоглу в дискурсе произведения «День казни»?

В эпиграфе его романа «День казни» используется словосочетание «вечный покой, что означает «могила», «гробница». Первое предложение после эпиграфа – поговорка «Пришла беда – отворяй ворота» и после этого как будто открывается дверь романа: *«В небе редкие звезды, сероватый свет их тоскухает, вроде как собираясь погаснуть, а то вдруг ярко просияет во все небо. Безветренно, но в кроне двуствольного граба время от времени слышится тревожный шелест, напоминающий шум прибоя, он наводит на мысль о близости моря. Но это не море, это ветер просыпается в Пещере Дедов и потягивается на своем ложе; он выползает и влачитя по земле, он готовится к нападению, и вот-вот, собравшись с силами, заполнив горы и реки гулом и ревом, ринется на людей. Э-эй, твари двуногие, да пресечетя род ваш навеки!»* [15, с. 145].

Этот текстовый фрагмент отличается количеством слов, словосочетаний, поговорок, вызывающих у читателя чувства паники, страха, угрозы, пустоты, небытия. Например, *одинокое, серое небо, серый свет, умирающий, гаснущий, ветер еще не дул, звук ломающийся, вдыхающийся, далеко-далеко, куда-тона другой конец света, выходя из ложи, напрягаясь во мраке, земле глубокую борозду открывая, в стволе скалы ревя, мятущемуся миру бросая вызов, к нападению готовясь, ветер проклинающая, о двуногие твари, искорените.*

Название или заглавие произведения – «День казни» – одно из названий, выбранных с точки зрения информативности. Повторяющаяся единица прошла долгий и динамичный процесс концептуализации. С точки зрения когнитивной лингвистики словосочетание «день казни» представляет собой сложное и абстрактное понятие. Название данного произведения и формирование концепции этого имени связаны с разными линиями в процессе развития. Название произведения является интертекстуальной единицей. Однако нельзя ничего сказать о конкретном претексте, из которого оно было взято. Указанный аспект, прежде всего, делает важным акцентирование внимания на понятиях «интертекстуальность» и «интертекстуальность в дискурсе».

«Каждый естественный язык определенным образом отражает понимание и организацию

мира» [6, с. 183]. В плане организации и концептуализации мира особую роль играет категория концепта. Концепт является ключевым понятием когнитивной лингвистики. Несмотря на это, вокруг объяснения и определения понятия до сих пор идут жаркие научные споры. В русском языкознании понятие концепта определили такие ученые как Д. Лихачев, Ю. Степанов, С. Ляпин, В. Нерозняк, С. Воркачев, Ю. Кубрякова, В. Карасик и др. Отмечается, что впервые оно было объяснено как ментальная структура русским лингвистом С. Асколковым-Алексеевымеще в 1928 г.

Д. Лихачев рассматривал концепт как обобщенную ментальную единицу, а явление его реальности представлял, как интерпретационно-рефлективную категорию, зависящую от знаний, личного опыта, профессионального и социального опыта носителя языка. Концепт – это обобщение различных значений слова в индивидуальном сознании говорящего. Концепт возникает не из значений слов, а из смешения его овладения с личным жизненным опытом говорящего [11, с. 10]. Жизненный опыт и знания играют решающую роль в определении понятия. Не случайно Ю. Кубрякова называла концепт единицей оперативной, активной памяти, мыслительного лексикона, понятийной системы, целостного мировоззрения [9, с. 90-91].

«Понятия в целом — это «части» знаний, которые охраняются, активизируются и используются в актах мыслительной и речевой деятельности... состав понятия составляет совокупность особых понятийных знаков, дифференциально отражающих различные стороны / характеристики» объектов или реальных событий» [1, с. 189-190].

Концепт как продукт когнитивного процесса. Все концепции являются продуктом процесса понимания. События, происходящие в реальности, человек пропускает через фильтр своего разума, знаний и опыта. Сам этот процесс называется концептуализацией или концептуализацией. Концепт создается в процессе осмысления определенного явления действительности. Концепция возникает и остается. Одно и то же понятие не появляется дважды, но понятийная структура, сфера, поле расширяются по мере приобретения нового опыта и знаний. Если «дождь» — концепт, то его концептуальное поле включает дождь, снег, град. Это структуры,

построенные вокруг центральной концепции «осадок». Сценарий включает макроструктуры, сосредоточенные вокруг центральной концепции.

Понятия возникают в процессе познания мира. Современное языкознание участвует в осмыслении концептуальной картины мира, ее концептуальных областей, а также отдельных ее фрагментов, изучая язык как познавательный механизм. Когнитивный механизм выполняет определенные функции по кодированию и преобразованию информации. В арсенале когнитивной лингвистики имеются средства, состоящие из структур, образующихся в результате концентрации знаний в сознании языковой личности. Концепция, фрейм, сценарий, сценарий, схема, слот, гештальт и др. является одной из таких когнитивных структур. Указанные когнитивные структуры тесно связаны друг с другом. Одно и то же событие может быть концептуализировано и как концепт, и как фрейм. Это связано с близостью названных когнитивных структур друг к другу.

В настоящее время в языкознании существует три подхода к объяснению концепта. В этих подходах за основу берется название содержания концепта. При первом подходе за основу берется культурный аспект. Все культуры и отношения между ними считаются концептами, роль языка считается вторичной [1, с. 32].

Второй подход к пониманию концепта был развит Т. Булыгиной, А. Шмелевым, Н. Алефиренко и другими. При таком подходе использование семантики языкового знака в когнитивной лингвистике считается единственным средством формирования содержания концепта. Например, Н. Алефиренко рассматривал семантический подход к концепту как средство раскрытия когнитивной семантики [12, с. 10]. При таком подходе роль языка в формировании понятий абсолютна. Концепт рассматривается как единица когнитивной семантики.

Третий подход к понятию нашел отражение в работах Д. Лихачева, Ю. Кубряковой и других. Ю. Кубрякова считает важным применение понятий фона и фигуры, используемых при изучении сенсорно-перцептивных процессов в психологии, в когнитивной лингвистике. Контрастность фона и фигуры связана с восприятием человеком себя (фигуры) как части

целого в период некоторого фона (среды, пространства) [9, с. 90]. В этом обзоре также подчеркивается связь понятий и других когнитивных структур с категориями времени и пространства. При третьем подходе в зависимости от личного опыта говорящего рассматривается обобщенная мыслительная единица, отражающая и интерпретирующая явления действительности. По Д. Лихачеву, понятие – это не слово, а примиряется определенный смысл и личный опыт [11, с. 7].

Концепт также поясняется как средство, помогающее устранить разнозначность разного отношения коммуникантов к пониманию слов в результате обобщения в индивидуальном мышлении [1, с. 32].

«Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации мира. Смысл, выраженный в понятии, становится единой системой видения, коллективной философией. Специфический для языка способ осмысления мира является в определенном смысле универсальным, в определенном смысле – национальным и специфическим» [7, с. 79]. Способ просмотра или концептуализации мира «наивен» по сравнению с научным взглядом на мир, но это не упрощенная концепция. Такая интерпретация концепта перекликается с мнением о том, что «основными составляющими понятийной системы являются концепты» [6, с. 183]. В. Маслова провела обзор многочисленных определений, данных этому понятию, и, наконец, резюмировала его следующим образом: «Концепт — это смысловая структура, характеризующая носителей определенной этнокультуры, связанная с лингвокультурной спецификой».

Концепт фиксирует этническую картину мира, отражая этническую картину мира, и служит элементом установления существования. В то же время этот квант знания отражает все содержание человеческой деятельности. Понятие не выводится из прямого значения слова, а образуется путем соединения лексического значения слова с индивидуальным и народным опытом. Концепт также включает эмоциональные, экспрессивные и оценочные признаки» [13, с. 47]. Это определение В. Масловой было дано в результате обобщения пояснений, толкований и определений, связанных с понятием. По его мнению, определение концепта разными способами

позволяет выделить пять его инвариантных признаков: 1) концепт представляет собой минимальную единицу человеческого опыта в идеальном представлении и вербализуется словами, имеющими полевою структуру; 2) является единицей обработки, хранения и передачи знаний; 3) понятие имеет динамическую, подвижную границу и конкретные функции; 4) концепт социален и ассоциативное поле определяет его прагматику; 5) является основным слоем культуры [13, с. 47].

На наш взгляд, определение этих признаков необходимо в процессе анализа концепта дискурса.

Анализ концепта в рамках дискурса. Семантико-когнитивный анализ широко применяется при изучении концепта. В целом, семантика фреймов (К. Филлимор), теория метафоры и метонимии (Дж. Лакофф и М. Джонсон), теория когнитивных прототипов (Э. Рош), теория профилирования (Э. Барминский), теория вертикальных синтаксических полей (С. Прохорова), теория концептуального анализа (С. Чернейко), теория вертикальных контекстов (О. Ахманова) и др.

В. Карасик, для изучения лингвокультурологических концептов, предлагает семантический анализ названий концептов, а также этимологический анализ, семантический анализ переносных и ассоциативных значений слова, обозначающего название концепта, интерпретативно-семантический анализ контекстов, содержащих слова и словосочетаний, выражающих концепт, интерпретационно-семантический анализ ассоциаций, связанных с концептом, предложены такие методы исследования, как интерпретативный анализ поговорок (поговорок, афоризмов, цитат и др.), связанных с концептом [8, с. 32].

При лингвистическом подходе к концепту ставится вопрос о его существовании для каждого словарного значения. Концепт охватывает весь потенциал значений слова с учетом коннотативных элементов. В когнитивном подходе сущностью концепта считается психический феномен. В этом случае концепт рассматривается как глобальная единица мысли, «квант структурного знания».

Как уже говорилось, при культурологическом подходе вся культура представляет собой набор понятий и включает отношения между элементами этого набора. Учитывая

вышеизложенное, концепт – это весь смысловой потенциал слова. В его основную сущность входят культурные, личностные, национальные и другие ассоциации, а также оттенки. В результате концепт имеет не только смысловой аспект, но и ценностно-имиджевые организаторы.

Фрейм – это широко используемая когнитивная структура. Впервые этот термин употребил американский лингвист М. Минский. Теория фреймов основана на представлении о том, что знания о мире состоят из структурных блоков. Эти знания организуются из маркированных наборов стереотипных ситуаций – фреймов [14].

Вышеизложенное подтверждает, что когнитивный анализ концепта требует комплексного и обширного исследования. Определить номинативное поле концепта в данном анализе. Точнее, необходимо определить единицы языковых средств, вербализирующих концепт, и уточнить их полную семантику. Заметен только такой уровень подхода к изучению понятия. Иными словами, существует немало исследовательских работ, ограничивающихся названием понятия, перечислением значений слов, близких по смыслу к этому названию, и частичным сопоставлением. В исследованиях, идущих несколько дальше, можно столкнуться с семантическим анализом фразеологизмов и пословиц, содержащих название концепта. Конечно, довольствоваться изучением когнитивных структур, особенно концепта, таким образом не оправдано и свидетельствует о незавершенности исследования. Когнитивный анализ дискурса, особенно художественного дискурса, имеет гораздо более широкий охват.

Основываясь на позиции критика в его трактовке художественного дискурса произведения «День казни», выявляется возникновение концепта «боль». Несомненно, номинативное поле концепта широкое, в нем есть стержневые и периферийные элементы. На самом деле во многих случаях концептами могут быть периферийные элементы, близкие к ядру. Когда мы подходим к вопросу на уровне дискурса, мы можем определить концепт, лежащий в основе текста, и в таком случае элементы, стоящие либо в его непосредственной близости, либо на его периферии, становятся элементами номинативного поля. этого концепта, они не могут выступать концептом в

рамках этого дискурса. В художественном тексте различные концепты появляются как продукт его тематики, тематического членения. Изучим это на примере романа «День казни».

Как уже говорилось, название романа — «День казни» — это концепт, и эта фраза лежит в основе. В номинативное поле этого концепта входят «вечный покой», «больной», о котором говорится в эпитафии, а затем лексемы «боль» и «азар» в первом повествовании текста. Степень близости отдельных единиц номинативного поля к ядру определяется в процессе семантико-когнитивного анализа названия концепта. Если исходить из фоновых знаний, то можно сказать, что «вечный покой» близко по значению номинативной единице в ядре, то есть словосочетанию «День убийства». Слова «больной», «боль» и «вред» являются периферийными единицами.

«Киямат» (Судный день) – 1. по религиозным представлениям воскресение всех мертвых в конце времен; махшар, день расплаты; бунт; 2. Название одной из коранических сур» [18, с. 54]. Здесь очевидно, что термины «бунт», «судный день» и «махшар» имеют одно и то же значение. В другом словаре термины махшар и конец света объясняются отдельно.

«Махшар» как термин; людей приводят к месту «смерти» и собирают здесь, чтобы их расспросили о том, что они сделали, и о словах, которые они сказали, когда воскресли после смерти. Судный день называется «йовмулбас» (день воскресения), «йовмун-нашр» и «йовмул-хашр» (день сбора)» [4, с. 243-244].

«Конец света: Как религиозный термин, судный день — это конец света и восстание мертвых из могил в загробную жизнь» [4, с. 224]. Следует также отметить, что в этом источнике также упоминается площадь, на которой собираются великие люди. Конечно, лингвистическое и культурное объяснение религиозного термина не является полным в обоих словарях. Здесь «Киямат» означает «судный день», «день воскресения» и, наконец, «последний день». Во втором источнике, в объяснении конца света, «ориентация на конец» не оправдана, на наш взгляд. Другими словами, это не может быть концом света. На самом деле «конец света» это – судный день. Если «махшар» брать как слово, обозначающее конкретное место, то полное значение «судного дня» в целом не раскрывается. Здесь

следует учитывать важный момент, что есть процесс допроса мертвых и живых за их деяния и наказания за эти деяния.

«Последнее пристанище» употребляется в языке как «могила». Учитывая, что наступит День Воскресения, могила не является последним пристанищем человека. Люди отправятся в ад в Судный день, и после допроса будет определено их окончательное местопребывание. Согласно исламу, это либо рай, либо ад. Вместе с этим будут и те, кому не будет места ни в раю, ни в аду. Место этих людей между раем и адом. Пространство между раем и адом не становится конкретным. Локализация в данном случае четко не определена.

Это пространство указано в произведении «День казни» В. Самедоглу. Путь мертвых ведет к месту, названному автором «Баба каха» – Пещера Дедов, чтобы задать вопросы ответить за праведные и неправедные дела. Они – мертвые встречаются друг с другом, избавляются от жизненной муки этого мира, полного лжи, греха и страданий, и отправляются в поисках истины в иной мир.

В Священном Коране сказано, что в Судный день каждый ответит за свои поступки перед Богом: «Все они придут к Нему одному в Судный день». (Сура Марьям, 95). Роман рассказывает о совместном путешествии людей, которые хорошо знают друг друга. Одним из интересных моментов здесь является то, что убийца находится вместе с тем, кого он убил, тем, кто совершил противоправный грех.

Если «Махшар» — это ложа Бога, место, где будет происходить допрос, то на это место указывает Баба Каха в романе Ю. Самедоглу. Оно-мастическая единица «Баба Каха» не является индикатором или маркером интертекстуальности. Его отождествление с призраком осуществляется в процессе сменяющих друг друга событий в романе и ухода умерших в это место. В этом отношении «Баба каха» не входит в номинативное поле концепта «День казни». Вместо этого «ужас», раскрываемый в мышлении человека с ассоциативной связью, на основе его фоновых знаний, входит в номинативное поле концепта романа «День казни». Поэтому когнитивный анализ дискурса, семантический анализ его когнитивной структуры позволяет выявить единицы, не названные непосредственно, но принадлежащие смысловому полю концепта, и эта возможность появляется благодаря правильной

оценке авторского замысла. в текстовом дискурсе.

В романе «День казни» сюжеты сходятся в конце. Именно эта сюжетная разница меняет концептуальный ландшафт. В романе разграничены такие внутренние понятия, как «больной», «смерть», «предатель». Эти внутренние когнитивные структуры входят в смысловое поле основного замысла романа как его элементы.

«...в романе есть приемы, считающиеся довольно оригинальными для 80-х годов, когда он был написан. Текст в тексте, временные параллели, интертекстуальность, ирония, аллегория, адаптация языка в одном тексте как ко времени (средневековье и новое время), так и к месту (село и город), Молла Панах Вагиф, Гусейн Джавид и Самед Вургун, на основе об образе поэта в азербайджанской литературе, удачное обобщение и т.д. являются неопровержимыми фактами» [19].

Концептуальный анализ художественного дискурса уточняет его содержательный план, тематическое членение, организацию основных и вспомогательных когнитивных структур. Когнитивно-семантический анализ основного концепта позволяет выявить иерархическую структуру. Определив элементы смыслового поля основного концепта, можно построить и исследовать возможные фреймы. Когнитивные структуры также дают важный материал для изучения интертекстуальных отношений в тексте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Когнитивный анализ является важным инструментом для изучения художественного дискурса. Он позволяет раскрыть концептуальные структуры, номинативные поля и семантические связи в тексте.

Вопросы концептуализации и интертекстуальности играют важную роль в художественном дискурсе. Они позволяют лучше понять смысловую организацию текста и связи с другими литературными произведениями.

Когнитивный анализ помогает раскрыть глубинное значение и смысловый потенциал художественного текста. Он позволяет исследовать культурные, личностные и национальные аспекты концептов, а также их связь с языком и обществом.

Статья предлагает новые подходы и методы для когнитивного анализа художественного дискурса, что может способствовать дальнейшему развитию исследований в этой области.

Когнитивный анализ художественного дискурса имеет широкий охват и может быть

применен к различным литературным произведениям и текстам, что открывает новые возможности для исследований в области литературоведения и лингвистики.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Abdullayev, A. (2011). *Aktual üzvlənmə, mətn və diskurs* [Thematic segmentation, text and discourse]. Baku: Zardabi ASC (in Azerbaijani).
2. Alefirenko, N. (Ed.). (2012). *Tekst i diskurs* [Tekst and discourse]. Moscow: Nauka (in Russian).
3. Dem'jankov, V. (2005). Tekst i diskurs kak terminy i kak slova obydennoyazyka [Text and discourse as terms and as words of ordinary language]. In *Jazyk i lichnost'* (pp. 34–55). Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur (in Russian).
4. N. d. (2010). *Dini terminlar lugati* [Glossary of religious terms]. Baku: İpekyolu (in Azerbaijani).
5. Fuko, M. (1996). *Volja k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznykh let* [The Will to Truth: Beyond Knowledge, Power, and Sexuality. Works of different years]. Moscow: Kastil' (in Russian).
6. Gasanova, T., & Habibova, K. (2019). K voprosu o vkljuchenii poslovic i pogovorok vo frazeologicheskij sostav jazyka na materiale azerbajdzhanskogo i anglijskogo jazykov [To the question of the inclusion of proverbs and sayings in the phraseological composition of the language on the material of the Azerbaijani and English languages]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. Lobachevskogo*, 2, 182–186 (in Russian).
7. Habibova, K. (2014). Murakkab sintaktik butovun kompozisijasy [Composition of a complex syntactic unit]. *Dilchilik institutunun asarlari*, 1, 77–81 (in Azerbaijani).
8. Karasik, V. (2004). *Jazykovoju krug: lichnost', koncepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Moscow: Nauka (in Russian).
9. Kubrjakova, E. (2004). *Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znaniy o jazyke. Chasti rechi s kognitivnoj točki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira* [Language and knowledge. On the way to learning about the language. Parts of speech from a cognitive point of view. The role of language in the knowledge of the world]. Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur (in Russian).
10. Kubryakova, E. (2005). O termine “diskurs” i stojashhej za nim strukture znaniya [On the term “discourse” and the structure of knowledge behind it]. In *Jazyk i lichnost'* (pp. 23–33). Moscow: Jazyki slavjanskih kul'tur (in Russian).
11. Likhachev, D. (1993). Konceptosfera russkogo jazyka [Conceptosphere of the Russian language]. *Izvestija RAN. Serija literatury i jazyka*, 52(1), 3–10 (in Russian).
12. Maslova, V. (2001). *Lingvokul'turologija* [Linguoculturology]. Moscow: Akademiya (in Russian).
13. Maslova, V. (2004). *Vvedenie v kognitivnuju lingvistiku* [Introduction to cognitive linguistics.]. Moscow: Nauka (in Russian).
14. Minski, M. (1979). *Frejmy dlja predstavlenija znaniy* [Frames for representing knowledge]. Moscow: Nauka (in Russian).
15. Səmədoglu, Y. (2012). Gatl gunu [The day of the murder]. In *Deyilənlər sona yetdi* (pp. 145–335). Baku: Avrasiya (in Azerbaijani).
16. Vinograd, T. (1983). K processual'nomu ponimaniju semantiki [Toward a procedural understanding of semantics]. In B. Gorodetsky, *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* (Vol. 12m pp. 123–170). Moscow: Raduga (in Russian).

17. Yusifli, V. (2010, December 11). *Yusif Samadoglu – boyuk nasr ustasy kimi* [Yusif Samadoglu – as a great master of prose]. Retrieved from <https://old.525.az/view.php?lang=az&menu=7&id=10291&type=1#gsc.tab=0> (in Azerbaijani).
18. Seyidaliyev, N. (1996). *Dini terminlar lugati* [Glossary of religious terms.]. Baku: Bilik (in Azerbaijani).
19. Sharif, A. (2015, February 25). *“Gatl gunu”, “Dajirman” va khash* [“Day of Murder”, “Mill” and khash]. Retrieved from https://kulis.az/xeber/yazarlar/xeber_____12042 (in Azerbaijani).